

ОСИП ПОЛЯКОВ (Саранск)

ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКИХ АФФРИКАТ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

В финно-угорском языке-основе существовали две аффрикаты — непалатализованная *č̣ и палатализованная *č̣̌ (Setälä 1902 : 219—277; Wichmann 1911 : 133—289; Paasonen 1918; Toivonen 1928 : 1—269; ОФЯ I 124, 143—144). Пожалуй, только Ю. Тойвонен для финно-угорского языка-основы воспроизводит твердую свистящую аффрикату *c (Toivonen 1928 : 245—248). В финно-угроведении долгое время считалось, что древние аффрикаты в мордовских языках представлены следующим образом: мокш. *č̣ > š, ž, эрз. č̣; мокш. *č̣̌ > č̣, ṣ̌, ẓ̌, эрз. č̣ (см. ОФЯ I 124, 143). Однако А. П. Феоктистов доказал, что финно-угорские аффрикаты в мордовских языках сопровождаются довольно широкой междиалектной альтернативой (Феоктистов 1975 : 72—73).

Финно-угорские аффрикаты в мордовских языках и их диалектах проявляются неодинаково. Например, в анлауте небольшой группы слов древняя *č̣ сохранилась без изменения: мокш. *č̣ilf* 'тень, луч', эрз. *č̣ildor molems* 'блестеть' (ср. коми *чиль* 'искра', удм. *чилян* 'блестеть', хант. *ṣ̌ilitem*, венг. *csillog-*; КЭСК 305—306; MSzFE 117—118), эрз. *č̣ar* 'удар грома' (ср. коми *чардби* 'молния', венг. *csörög* 'греметь'; КЭСК 302), эрз. *č̣irkun* 'сверчок' (ср. фин. *sirkka*, мар. *č̣erkiet* 'чирикать', удм. *č̣ṣ̌irikit-* 'щебетать', коми *чирк* 'кузнечик'; КЭСК 307), *č̣očana* 'вершина' (ср. венг. *csúcs*; MSzFE 125).

В наибольшей же группе слов начальная финно-угорская аффриката *č̣̌, потеряв свой смычный элемент, перешла в сибиллянт ṣ̌: морд. *ṣ̌ér-gädems*, эрз. *ṣ̌érgedems* 'позвать' (ср. саам. *č̣ierrot*, мар. *чаргыжаи* 'визжать', коми *чирзыны* 'пронзительно кричать', манс. *ṣ̌ärri* 'громко кричать'; Paasonen 1918 : 121; КЭСК 307), мокш. *ṣ̌ulma*, эрз. *ṣ̌ulmo* 'узел' (ср. фин. *solmu*, саам. *č̣uol'bmâ*, венг. *csomó*; MSzFE 123; ОФЯ I 125), мокш. *ṣ̌ä*, эрз. *ṣ̌e* 'тот' (ср. фин. *se*, мар. *sede* 'этот', хант. *ṣ̌i*; Collinder 1960 : 55), мокш. *ṣ̌äjär*, эрз. *ṣ̌eirks* 'голень' (ср. фин. *sääri*, эст. *säär*, коми -чор: *кокчор*, венг. *szár* 'стебель; голень'; КЭСК 311) и т. д.

К аналогичному по качеству звуку финно-угорского языка-основы морд. *č̣* восходит и в интервокальном положении, правда, лишь в незначительной группе слов: мокш. *vač̣ə*, эрз. *vač̣e* 'кал' (ср. хант. *witač̣*, манс. *vāṣ̌eč̣*, Toivonen 1928 : 160), *kuč̣u* 'ложка' (ср. хант. *kofi* 'посуда для питья'; Collinder 1955 : 91), мокш. ?*mač̣i*, эрз. *mač̣ij* 'гусь' (ср. фин. *metso* 'глухарь', мар. *m̄ə-z̄ə* 'рыбчик'; Toivonen 1928 : 149), мокш. ?*oč̣ä* 'брат отца (старше отца)' (ср. фин. *isä* 'отец', саам. *jieč̣če*, мар. *ežä* 'старший брат', манс. *äṣ̌* 'отец матери', венг. *ős* 'дед'; MSzFE 516—517).

Главным же образом в этом положении (между гласными одиночными глухими согласными мало устойчивы) древняя *č потеряла смычку и озвончилась. В марийском языке финно-угорская палатализованная аффриката в интервокальном положении вообще не сохраняется и во всех случаях переходит в звонкий сибилант (Грузов 1969 : 165). Примеры: мокш. *kažəms*, эрз. *kažims* 'наградить' (ср. мар. *кузык* 'приданое невесты', удм. *кузьым* 'подарок', коми *козин* 'свадебный подарок'; КЭСК 127—128), мокш. *suwəzi*, эрз. *sivožej* 'глухарь' (ср. саам. *čukča*, мар. *сузо*, *шузьо*, коми *чукчи*; КЭСК 313), мокш. *pižəl* ~ *pižəl*, эрз. *pižol* ~ *pižel* 'рябина' (ср. фин. *pihlaja*, мар. *pəzəlmə* ~ *pi-zlə*, удм. *палэзь*, коми *пелысь*, хант. *pətər*, манс. *päsər*; SKES 542; КЭСК 218), мокш. *iňəzi* ~ *iňzi*, эрз. *iňzej* 'малина' (ср. мар. *эньж*, удм. *эмезь*, коми *өмідз*; ОФЯ I 415).

В мордовских языках (в пределах основы) финно-угорская аффриката *č не сохранилась в соседстве с согласными. Так, древние сочетания **kč-*, **čk-* развились в *-kš-*, *-šk-* или *-žg-*: мокш. *lokšfi*, эрз. *lokšej* ~ *loksej* 'лебедь' (ср. фин. *joutsen*, мар. *ййкш*, *ййксьö*, удм., коми *юсь*; ОФЯ I 416), мокш. *aškəlams*, эрз. *eškilams* 'шагать' (ср. фин. *askela-* 'шаг', мар. *ошкыл*, коми *воськов*, удм. *utškil*, манс. *usil*; Collinder 1960 : 95; КЭСК 64), мокш. *pəžgata*, эрз. *pežgata* 'ласточка' (ср. фин. *pääsky*, удм. *поськы*, коми диал. *пясьти*, венг. *fecske*; Collinder 1960 : 95; ОФЯ I 416) и т. д. В составе современных мордовских слов č в сочетаниях с согласными по происхождению вторична и восходит к разным согласным: *kučkan* 'орел', где č < *č (ОФЯ I 429), мокш. *aňčəta*, эрз. *aňšuta* 'прорубь', где č < *š (КЭСК 205; MSzFE 77—78), мокш. *šučət*, эрз. *šuršamo* ~ *šučəto* 'гребешок', где č < *s (КЭСК 216).

Вызывает интерес чередование č ~ ž в мокш. *kučəms*, эрз. *kužəms* 'подниматься', мокш. *таčə*, эрз. *таža* 'неглубокий', которое разными авторами объясняется по-разному: Э. Сетяля видит здесь чередование ступеней, восходящее к языку-основе (Setälä 1902); В. Штейниц воспроизводит его из древнего чередования *č ~ *ž (Steinitz 1952 : 27); Ю. Тойвонен возводит к праязыковой аффрикате *č (Toivonen 1928 : 149).

Мордовскому чередованию č ~ ž в мокш. *kučəms*, эрз. *kužəms* в марийском соответствует междиалектное чередование ч ~ з: *кучаш* ~ *кйжаш*, которое возводится к палатализованной аффрикате *č (Грузов 1969 : 163). Вероятно, здесь отражаются разные степени развития финно-угорской палатализованной аффрикаты *č: в случаях *таčə*, *kučəms* она сохранила первоначальное качество, в *kužəms*, *таža* в интервокальном положении *č утратила смычку и озвончилась.

В эрзянских говорах большеингатовского и нижнепьянского диалектов морд. *č (< ф.-у. *č) утратила свой щелевой элемент и перешла в *t*: *čarədems* 'ударить' — эрз. лит. *čarədems*, *tirkun* 'сверчок' — эрз. лит. *čirkun*; *pača* 'платок' — эрз. лит. *pača* и т. д. Этот переход произошел в период самостоятельного развития эрзянских диалектов. Данному процессу подчинились и русские и тюркские заимствования: *tulka* < *чулок* (эрз. лит. *čulka*), *čotmar* < *чукмар* или *цокмар* (эрз. лит. *čotmar*), *tela* < *цельй* (эрз. лит. *čela*) и т. д.

В разных мокшанских и эрзянских диалектах древняя аффриката *č передается шипящими š, š̌ и аффрикатами č, č̌: центр. *šičav* ~ сев.-з. *šičav* ~ Ат. *čičav*, эрз. *čičav* 'блоха' (ср. фин. *sonsar*, мар. *шуршо*, хант. *čunč*, *šüş*, манс. *šoš*, *sons*; ОФЯ I 415). Звонким ž передается *č в эрз.

vežiñce 'младший' (Феоктистов 1975 : 67). Думается, что сюда можно отнести и сев.-з. *văžďădnă* 'младший брат' и *văžă* 'младшая сноха'.

Вторичным по своему происхождению следует считать *ć* в составе мокшанских усилительно-личных местоимений *тоñć* 'я сам', *тоñć* 'ты сам', *соñć* 'он сам', которая образовалась из постпозитивного артикля -*š* (Серебренников 1967 : 90). В эрзянских причастиях настоящего времени (*моñćа* 'поющий', *маñćа* 'слушающий') *ć* возводится к прауральскому суффиксу отыменных существительных -*fš* (Lehtisalo 1936 : 205—209).

Таким образом, финно-угорская палатализованная аффриката *ć в мордовских языках и их диалектах имеет соответствия: *ć*, *s*, *ś*, *z*, *ž*, *š*, *š*, *č*, *č*, *ž*, *ž*, *ž*. Нельзя не согласиться с А. П. Феоктистовым, который считает, что такая широкая междиалектная альтернатива финно-угорской аффрикаты в мокшанском и эрзянском языках и их диалектах связана с многообразием позиций, в которых она реализуется, а именно в интервокальной, пре- и постконсонантной позициях, в соседстве со звонкими или глухими, палатализованными или непалатализованными согласными (Феоктистов 1975 : 62).

Как уже отмечалось, Ю. Тойвонен для финно-угорского языка-основы воспроизводит непалатализованную аффрикату *c, которая, по мнению ученого, сохранилась в мордовских словах мокш. *lofca*, эрз. *louso* 'молоко' (фин. *lypsää* 'доить', саам. *lakca*, *lavca*; Toivonen 1928 : 203—204), мокш. *pačă* 'крыло' (эст. диал. *putsaj* 'перо', саам. *bozza* 'перо', мар. *pistal*, *pištal* 'перо'; Toivonen 1928 : 207), *joñks* 'дуга; радуга' (фин. *jousi*, *joutsi*, саам. *juoks* 'arcus', мар. *joñež* 'радуга'; Toivonen 1928 : 204).

На наш взгляд, мордовский материал едва ли может свидетельствовать в пользу древней непалатализованной аффрикаты *c. Так, *pačă* Ю. Тойвонен приводит под вопросом, *joñks* восходит к древнему **joñ(k)sz* (MSzFE 317), вторична *c*, очевидно, и в мокш. *lofca* (ср. эрз. *louso*, фин. *lypsää*, коми *лысьтыны*).

Вызывают сомнение и примеры из других финно-угорских языков, приводимые Ю. Тойвоненом для доказательства *c в финно-угорском языке-основе. Например, фин. *metsä* 'лес', эст. *mets*, саам. *meets* (Toivonen 1928 : 203) усвоены из балтийских языков (ср. литов. *medis*, латыш. *mežs*, *meža* 'дерево; лес'; КЭСК 176), фин. *kansa* 'народ', саам. *gaze* 'семья', коми *goz* 'пара', удм. *kuz* то же (Toivonen 1928 : 204—205) восходят к древнему *kañča* (КЭСК 77).

Непалатализованная аффриката *c* в мордовских языках встречается очень редко. Можно привести лишь две-три пары мокшанских и эрзянских слов, где *c* фонологически противопоставлена палатализованной аффрикате *ć*: мокш. *kucan* 'я дома' — *kućan* 'я поднимаюсь', *maći* 'он погасит' — *maći* 'гусь'; эрз. *capudims* 'цапнуть' — *ćapudims* 'ударить', *pelc* 'в облака' — *pećc* 'он прят'. В некоторых диалектах не встречается ни одной пары слов, значение которых различали бы *c* и *ć* (ОМД I 329). В анлауте *c* может быть лишь в нескольких словах, заимствованных из русского языка: *ciřk* 'цирк', *cař* 'царь' (ОМД I 20, 123; ОМД II 51; ОМД IV 59, 79).¹ Лишь в отдельных словах (в пределах корня) выступает *c* и в инлауте: *acams* 'постелить', *vesana* 'жидкий', *kocams* 'тлеть'.

В других случаях аффриката *c* образовалась 1) на месте формо- и словообразующих аффиксов: мокш. *kăca*, эрз. *kece* 'в руке' < мокш. *kăd-sa*, эрз. *ked-se*, *kaca* 'я его оставляю' < *kad-sa*, *vec* 'за водой' < *ved-s*; 2) в исходе мокшанских слов типа *kudăc* 'его дом', *tevăc* 'его дело' в результате слияния местоименного элемента *t* с притяжательным

¹ Здесь материалы из ОМД даны в транскрипции.

суффиксом 3 л. ед. ч. *-sa* или *-s* (Paasonen 1903 : 122); 3) благодаря ассимиляции *s* после сонорных, а в эрзянских диалектах иногда и после *v*, *s*, *č*, *š*: *kelce* 'языком', *lejc* 'в речку', *virč* 'в лес', *tolc* 'в огонь' (ОМД I 27), *maksca* 'я отдам', *kekščij* 'он его спрячет', *kuščij* 'он его пошлет' (ОМД I 332), *marc* 'вместе', *valc* 'в слово' (ОМД IV 325—326).

Преобладание мягкой аффрикаты *č* над твердой *s* послужило причиной тому, что русская аффриката *ц* во всех положениях мокшанами и эрзянами усвоена через *č*: мокш. *čelaj*, эрз. *čela* < *целый*, мокш. *čerkaŋ*, эрз. *čerkov* < *церковь*, мокш. *päđñčä*, эрз. *peča* < *пятница*, мокш. *balñičä*, эрз. *bolñiča* < *больница*, *kureč* < *купец*, мокш. *kriľeč*, эрз. *kriľca* < *крыльцо*.

Финно-угорская непалатализованная аффриката *č в своем первоначальном качестве не обнаруживается ни в мокшанских, ни в эрзянских диалектах, однако в обоих мордовских языках в определенной степени сохранились следы этого древнего согласного. Так, в анлауте эрзянских слов *č регулярно соответствует аффрикате *č*, в мокшанских словах в этой позиции общеморд. *č (< ф.-у. *č) потеряла смычку и перешла в шипящий *š* или *š* (в говорах северо-западного и юго-западного диалектов): мокш. *šarəms*, эрз. *čaroms* 'рубить сруб' (ср. хант., манс. *tsop-* 'плотничать', удм. *čyn-*, коми *тшун-* 'рубить сруб'; Collinder 1960 : 52; ОФЯ I 124), мокш. *šivañä* ~ *šivañə*, эрз. *čoviñe* 'тонкий' (ср. фин. *hura* 'быстро уменьшающийся', эст. *huba* 'удобный', венг. *sovány* 'худой'; MSzFE 554—555; ОФЯ I 421), мокш. *šukams* ~ *šukams*, эрз. *čukams* 'встряхивать' (ср. фин. *hakata* 'бить, рубить', ? удм. *шуккыны* 'ударить, бить', коми *тшукöдны* 'ткнуть'; КЭСК 291; SKES 49—50), мокш. *šačəms*, эрз. *čačoms* 'родиться' (ср. мар. *шочаш*, диал. *čočaš* 'родиться', удм. *чыжы-выжы* 'родня', коми *чужны* 'родиться', хант. *čäčə*, манс. *sässä*; ОФЯ I 124), мокш. *šl* ~ *šl*, эрз. *čl* 'день; солнце' (ср. фин. *kehä* 'круг', мар. *кече* 'день, солнце', удм. *кыч* 'петля', манс. *kiš*, *kis* 'обруч'; КЭСК 155; SKES 177).

В некоторых эрзянских диалектах в ранних заимствованиях из русского языка через *č* передается *ш* оригинала: *čalaš* < *шалаш*, *čarka* < *шапка*, *čiba* < *шуба*, *čim* < *шум* (ОМД I 127).

Отмечается переход древнего *č в *š* в начале отдельных эрзянских слов, в середине которых находился шипящий, например: мокш. *šaštəms*, эрз. *šaštoms*, диал. *čaštoms* 'подвинуться, ползти' (ср. манс. *šöš-*, *šöš-* 'бродить', хант. *tšū*, *tšəm* 'идти'; Toivonen 1928 : 90), эрз. *šenže* 'утка' (ср. удм. *чөж*, коми *чөж*, хант. *čač* 'дикая утка', манс. *sās*, *šēs* 'селезень'; ОФЯ I 417), мокш. *šäkšata* ~ *šäkšata*, эрз. *šekšata*, диал. *čekšata* 'дятел' (ср. мар. *чечкемыш* 'малиновка', уд. *tšaktšej* 'вид серой птицы', коми *тшаксан* 'каменка (птичка)'; КЭСК 289).

В инлауте следы финно-угорской аффрикаты *č обнаруживаются как в эрзянском, так и в мокшанском языках. В эрзянском языке древней *č (как и в анлауте) соответствует *č*, в мокшанском же общеморд. *č (< ф.-у. *č) представлена мягкой *č*. Например: мокш. *kačam*, эрз. *kačato* 'дым' (ср. фин. *katku* 'запах, чад', коми *котшöс дук* 'запах гари'; КЭСК 136; SKES 171; эст. диал. *katsk* 'чума'), мокш. *kočkəms*, эрз. *kočkoms* 'полоть' (ср. фин. *kitkeä* 'полоть', саам. *gäs'ket* 'вырвать'; SKES 202; эст. диал. *kitskma* 'вырвать'), мокш. *počkadəms*, эрз. *počkodəms* 'продырявиться, прорваться' (ср. фин. *putkahtaa* 'всходить', саам.

boccidet 'пускать ростки'; Setälä 1902 : 235), мокш. *počka*, эрз. *počko* 'стебель, трубочка' (ср. фин. *puiki* 'труба', саам. *boška* 'Angélica aeghangelica'; Collinder 1960 : 92; эст. диал. *pütsk* 'стебель'), мокш. *uča* 'овца' (ср. фин. *uuhi*, мар. *ыжга* 'шуба', удм., коми *ыж* 'овца', хант. *аџ*, манс. *ōš*; ОФЯ I 416; SKES 1559), мокш. *šičav*, эрз. *čičaka* 'блоха' (ср. фин. *sonsar*, мар. *шуршо*, хант. *čunč*, *šūš*, манс. *šoš*, *sons*; ОФЯ I 415) и т. д.

Эрзянский суффикс *-č-*, выступающий в словах типа *mañ-č-ems* 'обманывать', *koñ-č-ems* 'мигнуть', восходит к прауральскому суффиксу интенсивных или перфективных глаголов *-tš* (см. Lehtisalo 1936 : 235).

В мокшанских говорах северо-западного и юго-западного диалектов в словах финно-угорского происхождения наряду с мягкой аффрикатой *č* появляется и твердая *č̣*. В фонетическом отношении *č̣* и *č* представляют собой самостоятельные единицы, однако корреляция *č̣* — *č* в этих диалектах развита очень слабо: *pačkat* 'сквозь тебя' — *pačkat* 'пачки', *kačam* 'дым' — *kočam* 'горбушка'², *učat* 'ждешь' — *učat* 'овцы'.

В северо-западном и юго-западном диалектах нами зафиксировано только около тридцати слов, в составе которых выступает непалатализованная аффриката *č̣*, которая может быть 1) в положении между заднерядными гласными: *kačam* 'дым', *pača* 'блин', *uča* 'овца'; 2) между гласным заднего ряда и гласным среднего ряда среднего подъема *ə*: *učəms* 'ждать', *vačəms* 'проголодаться'; 3) между гласным заднего ряда и твердым согласным: *pačkat* 'сквозь тебя', *pačka* 'сыро', *kočəms* 'полоть'. Ни в одном из слов не обнаружена *č̣* в анлауте, а также в инлауте слова, в составе которого (в пределах основы) имеется гласный переднего ряда или палатализованный согласный.

Как самостоятельная фонема твердая аффриката *č̣* встречается и в северных мокшанских говорах на территории Темниковского и Ельниковского районов. Интересно, что здесь в одной и той же позиции в одних словах выступает *č̣*, в других — *č*. Отсутствует какая-либо закономерность в употреблении *č̣* и *č* и между говорами. Примеры из говоров соседних сел Мордовско-Маськинские Выселки (приводятся вторыми) и Старые Пичингуши (Ельниковский район): *kočam*, *kočam* 'горбушка'; *kačam*, *kačam* 'дым'; *sčams*, *sčams* 'одеть'; *lašča*, *lašča* 'слабый'; *pačk*, *pačk* 'сквозь'; *počədəms*, *počədəms* 'посыпать'.

Только твердая *č̣* наличествует в системе консонантизма темяшевского диалекта, своим происхождением она обязана влиянию соседних эрзянских говоров, о котором убедительно написала Р. В. Бабушкина (ОМД IV 19—24).

Вопрос об изменении общемордовской аффрикаты **č̣* (< ф.-у. **č̣*) в северо-западном, юго-западном диалектах, в северных мокшанских говорах следует рассматривать в связи с историей самого мокшанского населения данного ареала. По данным археологов, образование мокшанского населения на западе и северо-западе современной территории Мордовской АССР происходило в результате смешения разных племен: с одной стороны, рязанско-окских, которые были эрзянскими, с другой стороны, южномордовских, которые были мокшанскими.

О влиянии эрзянских племен на формирование западных и северо-

² Аффрикаты *č̣* и *č* в словах *kačam* ~ *kočam* следует считать самостоятельными фонемами, так как они выступают в сходном фонетическом положении (между гласными заднего ряда), мягкость *č̣* не обусловлена никакими другими факторами (Зиндер 1960 : 62—63).

западных мокшан свидетельствуют и языковые данные. Так, в мокшанских говорах северо-западного и юго-западного диалектов отмечается довольно широкий пласт эрзянизмов, к которым можно отнести: инфинитив на *-mäs* у глаголов с основой на один согласный: *molmäš* 'идти' — мокш. лит. *moläms*, отсутствие *ä* переднего ряда в юго-западном диалекте, сохранение древнего комитативного суффикса у числительных третьего десятка: *komš kaftuva* 'двадцать два', *komš kolmuva* 'двадцать три' и др. (Надькин, Мартьянов 1979 : 121).

В свою очередь, сильно мокшанское влияние испытал теньгушевский диалект эрзянского языка, расположенный на северо-западе Мордовской АССР в соседстве с западными и северо-западными мокшанами (см. Миронов 1963 : 9). Мокшанизмами в этом диалекте следует считать наличие глухих согласных *r, ř, l, l', j*; оглушение и переход *v > f*: *ofta* 'медведь' — эрз. лит. *ovto, čuřta* 'дерево' — эрз. лит. *cuvto*; переход *č > š* в анлауте: *šava* 'пустой' — эрз. лит. *čavo, šamdums* 'опорожнить' — эрз. лит. *čamdums*; формант генитива *f*: *modaf* 'эту землю' — эрз. лит. *modańf*; сослагательное наклонение *sokaliń* 'я пахал бы' — эрз. лит. *sokavliń*.

Таким образом, непалатализованную аффрикату *č* в говорах северо-западного, юго-западного диалектов, в северных мокшанских говорах следует считать результатом эрзянского влияния.

Анализ междиалектных соответствий, данных родственных языков и заимствований показывает, что аффрикаты мордовских языков исторически связаны с аффрикатами финно-угорского языка-основы. В ряде случаев древняя *č сохранила свое первоначальное качество. В большинстве случаев в мокшанском и эрзянском языках она подверглась изменению. Мордовская твердая свистящая аффриката *c* не восходит к системе консонантизма финно-угорского языка-основы, а является инновацией, получившей развитие в мордовском языке. Непалатализованная финно-угорская аффриката *č на мордовской почве не сохранила свое первоначальное качество, однако следы этого согласного обнаруживаются и в эрзянском, и в мокшанском языках.

Сокращения

Ат. — говор с. Атырьвево Атырьевского района МАССР; сев.-з. — северо-западный диалект мокша-мордовского языка; центр. — центральный диалект мокша-мордовского языка; ОФЯ I — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974.

ЛИТЕРАТУРА

- Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка (введение и фонетика), Йошкар-Ола.
 Зиндер Л. Р. 1960, Общая фонетика, Ленинград.
 Миронов Т. П. 1936, Теньгушевский (шокша) диалект как результат скрещения, Саранск.
 Надькин Д. Т., Мартьянов В. Н. 1979, Об этнической принадлежности населения рязанского и муромского Поочья I тыс. н. э. — Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры, Саранск, 103—133.
 Серебрянников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
 Феоктистов А. П. 1975, О междиалектной альтернации финно-угорских сибилантов и аффрикат в мордовских языках. — Симпозиум по финно-угорскому языкознанию. Петрозаводск 26.—27. 3. 74, Хельсинки, 62—67.
 Collinder, В. 1955, Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages, Stockholm.
 — 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm.
 Lehtisalo, Т. 1936, Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).

- Paasonen, H. 1903, Mordwinische lautlehre, Helsingfors (MSFOu XXII).
— 1918, Die finnisch-ugrischen s-laute, Helsinki (MSFOu XLI).
Setälä, E. N. 1902, Zur finnisch-ugrischen lautlehre, — FUF II, 219—277.
Steinitz, W. 1952, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus, Uppsala.
Toivonen, Y. 1928, Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten. — FUF XIX, 1—270.
Wichmann, Y. 1911, Zur geschichte der finnisch-ugrischen anlautenden affrikaten, nebst einem exkurs über die finnisch-ugrischen anlautenden klusile. — FUF XI, 173—290.

OSIP POLIAKOV (Saransk)

ON THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF FENNO-UGRIAN AFFRICATES
IN THE MORDVINIAN LANGUAGES AND DIALECTS

Fenno-Ugrian affricates in the Mordvinian languages have various behaviour. In a number of cases palatalized *č preserves its original quality, but on the whole it has been changed. Non-palatalized *č̣ can be traced both in Mokša and Erza. As to c it is an innovation in the Mordvinian languages.